

ВОСПОМИНАНИЯ

ВОЕННЫЕ ГОДЫ В ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА Р.Н. КАЛАШНИКОВА

Первый день войны Роберт Николаевич помнит очень хорошо. Ему было 11 лет. Учительская семья Калашниковых тогда жила в Вологодской области. Объявление о начале войны прозвучало в тот момент, когда Роберт с матерью стоял в очередь за продуктами около церкви Покрова.

Роберт Николаевич рассказал нам, какая страшная началась пора. «Время, полное тревоги и переживаний: далеко ли будут отступать наши войска, если не остановятся, и когда начнется наступление? Народ был в тревожном состоянии, потому что многим приходили похоронки – извещения о смерти отца, брата, дяди и т.д. Кроме того, люди голодали, и все жили в надежде скорейшего окончания войны. Поначалу была эйфория, считали, что немцы больших зверств устраивать не будут. Но когда немцы захватили часть страны, начали сжигать целые деревни вместе с жителями и детьми, стали устанавливать виселицы на каждом углу для всех подозреваемых, то все поняли, что такое гитлеризм. Тогда народ восстал, начали формироваться партизанские отряды, появились Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина и

другие патриоты – герои Великой Отечественной войны».

Вологда нередко подвергалась бомбардировкам, так как была прифронтовым городом. Но целенаправленно её не разрушали, так как немцы считали, что они вот-вот захватят город, который являлся узловой станцией по пути на Ленинград, Москву, Киров, Архангельск. Тем не менее в Вологде все время объявляли воздушную тревогу. Вечером и ночью город был совершенно темным, а если где-то пробивалась щелочка света, то считалось, что это пособник врага подает знак.

Отец Роберта Николаевича с начала войны служил в Вологодской дивизии в Устюге, потом его отправили в Вологду, где он был писарем при областном военкомате. Во время командировки отец заболел сыпным тифом, долго находился в госпитале и ослабевшим вернулся в Вологду. Затем его снова отправили на фронт, а в сентябре 1942 года пришло извещение, что отец убит в боях под Воронежем. Роберт Николаевич после войны пытался отыскать место захоронения отца, обращался в различные органы, в том числе и в штаб поисковиков, но безрезультатно.

В военные годы Роберту Николаевичу с братом

в день выдавали по 150 граммов зерна, которое ещё надо было смолоть, чтобы испечь хлеб. Никаких дополнительных доходов в семье не было. Пришлось самостоятельно обустраивать огород, появились овощи, которыми в основном и питались. «В ту пору, когда нам стало чуть-чуть полегче жить, мне купили подшитые валенки на рынке, а до этого до снега я ходил босиком. Также мне купили взрослое военное офицерское галифе и сатиновую рубашку».

О дне 9 мая 1945 года Роберт Николаевич рассказывает как о неожиданной радости. Он тогда учился в седьмом классе Спасской неполной средней школы, которая находилась в 7 км от его деревни. О том, что закончилась война, в его деревне никто не знал, так как там не было радио, а газеты поступали очень редко. Когда Роберт Николаевич пришел в село, то услышал какой-то шум и суматоху. Оказалось, что там стояла на отдыхе зенитная часть, которая раньше всех узнала о победе. «Началось ликование сквозь слезы, потому что у многих детей-школьников был убит кто-нибудь в семье, а у всех учительниц в нашей школе погибли мужья».

А.А. Боговая,
сотрудник музейного комплекса

ДЕНЬ СВЯТОЙ ПАМЯТИ

В канун Дня Победы особое внимание мы уделяем тем, кто пережил страшные военные годы. Среди них мало осталось ветеранов боевых действий Великой Отечественной войны. Но с нами рядом живут свидетели тех лет – труженики тыла и дети войны. С некоторыми из них нам удалось встретиться. Члены Общества изучения истории медицины Европейского Севера и сотрудники музейного комплекса совместно со студентами СГМУ провели видеорепортажи с ветеранами-медиками, которые внесли свой вклад в дело Победы! Одной из самых ярких встреч стало интервью с профессором Татьяной Николаевной Ивановой. Она рассказала нам о том, как ее семья пережила войну.

«Войну я встретила в Одессе. Туда я с группой детей из Архангельска приехала 10 июня 1941 года по санаторной путевке, которую мне выделили в связи с болезнью - туберкулезным лимфаденизмом. Мне было 14 лет. В ночь на 22 июня 1941 года было очень шумно: непрерывный гул самолетов и выстрелы. Я вышла на крыльцо и увидела вдали пожары, а в небе самолеты... К вечеру 22 июня нас повели в кино. Кинотеатром служил деревянный сарай. Показывали фильм «Тимур и его команда». Во время показа фильма зажужжали самолеты и послышались выстрелы. Все дети и взрослые побежали на улицу и увидели летящие над крышей сарая самолеты со свастикой, летчики в которых стреляли из автоматов в нас. В это время пришел главный врач санатория и сказал: «Вы советские дети и должны знать, что делается в нашей стране. Враг напал на нас, бомбил города Киев, Одессу и Севастополь. Началась война с Германией». Все плакали, а он успокаивал, говоря, что наша страна непобедима, что путевки еще только начались, а к концу их и война закончится...»

Обстрел и бомбежки продолжались каждый день. Нас стали эвакуировать из деревни Клайн-либенталь (маленькая любимая долина, где находился санаторий, в другой пункт – Люстдорф (деревенский воздух), а затем – в саму Одессу. Эвакуировались мы пешком, шли километров по 20 в сутки. Когда начались бомбежки, ложились на землю. Ели семечки подсолнухов и пили воду из луж, процеживая ее через панамки. Чтобы успокоить младших детей, я подбирала осколки зенитных снарядов и «дарила» их детям со словами: «Возьми на память, покажешь дома и расскажешь, что был на войне». Дети успокаивались и берегли эти «игрушки».

Когда мы добрались до Одессы, нас расселили в санатории «Аркадия», покормили и повели мыться. Баня размещалась в подвале старой церкви. Старшие дети мыли младших. Перемыв всех детей, а их было более 150 человек, мы втроем (я, Гая и Хелга) остались мыться. В это время в церковь попала бомба, и нас засыпало. Мы пытались сделать подкоп, чтобы выбраться, но нам это не удавалось. Трое суток мы находились в неизвестности: вспомнят ли про нас. Благодаря тому, что малыши «теревили» взрослых, нас откопали.

Через пару дней нас посадили в поезд: 150 детей в один товарный вагон, где были сделаны нары для маленьких и скамейки для старших. Сидели мы так плотно прижавшись друг к другу, что повернуться было трудно. От Одессы до Ростова мы ехали 2 недели. В пути были частые бомбежки, после которых шло переформирование состава, т. к. многие вагоны и платформы были разрушены. Наш вагон чудом уцелел. Из состава в 52 вагона до Ростова дошли только 20. Сколько погибло людей сказать невозможно. Я металась, не зная: кому и как помогать...

Помогали живым детям, которые бежали к нам - к старшим. Ко мне прижималась 8-летняя Нина Сосулина, у которой при каждой бомбежке начиналась рвота. Я брала ее на руки и гладила живот. Как потом оказалось, у нее возникла язва 12-перстной кишки, которая зарубцевалась только к 11 годам, развился стеноз привратника, по поводу которого позже Нину оперировал в Архангельске профессор А.А. Киров. Другая девочка, Гая 6 лет, была почти слепая (у нее был туберкулез глаз), она прижималась ко мне и кричала: «Ой, дайте мне иголки, Жмеренку разбомбили, я не хочу жить!» Я ей объясняла, что иголку сейчас найти труднее, чем умереть от бомбы. Но ее это не успокаивало. Мальчик Антон 8 лет не хотел умирать и каждый раз после окончания бомбежки, подходил ко мне и говорил: «У меня есть еще один шанс остаться живым». За время пути они остались живы, а что было потом – не знаю, т.к. основную массу детей отправили в Бугруслан, а нас – архангельских детей высадили в станице Морозовской Ростовской области и сдали в детский дом.

Еще в пути запомнился один эпизод - это взятие немцами города Кировограда. Наш поезд впервые остановился на станции, и мы обрадовались, что можем попить настоящей воды из «водокачки». Встали в очередь за водой. Наша очередь еще не дошла, как мы увидели, что поезд трогается, а за ним бегут и стреляют из автоматов немецкие солдаты. Мы на ходу поезда забрались в последний вагон. В этот день был взят Кировоград. В станице Морозовской мы сидели на вокзале и ждали, когда за нами придут из детского дома. У меня на голове была марлевая повязка, т.к. на месте воспаленных лимфоузлов образовались свищи. Ко мне подошел

мальчик лет 10, он остановился и протянул мне кусок хлеба. Потом убежал и привел свою маму. Смотрит на меня и говорит: «Мама, посмотри, какие у девочки глаза». Женщина погладила меня по голове, но ничего не сказала. Я была поражена впечатлительностью этого мальчика. Наверное, глаза мои были очень грустными.

В детском доме было очень много народа, сюда же был эвакуирован детский дом из Белоруссии. Мы спали по три человека на кровати и по три человека под кроватью... Мы, взрослые дети, решили добираться домой - в Архангельск. Пошли в военкомат на прием к комиссару Судейкину (так было написано на табличке около входа в кабинет). Военком выслушал нас, разложил на столе карту и показал нам, где Архангельск и где немцы. А они уже были под Москвой. Он сказал нам: «Скоро война кончится, тогда и уедете в свой Архангельск, а пока идите и учитесь здесь». Мы ушли разочарованные неудачей. О нашем походе в военкомат сообщили в детдом. Нас наказали, отправив работать на угольную яму. Не отпустили с территории детдома никуда, даже в амбулаторию на перевязку. Я стирала бинты в ручье и сушила их на солнышке, сама делала себе перевязки.

Тогда мы решили написать письмо в Архангельск – в облоно Гасконскому, который нас отправил в санаторий. Написали письмо на тетрадном листе карандашом, сложили треугольником и отправили его без марки с надписью «Срочно!!!». Как ни странно, письмо дошло! За нами приехал отец Инны Глазачевой и всех архангельских детей увез домой. Ехали мы на поезде через Урал, минуя Москву, через Александров. Это было уже в ноябре 1941 года.

Тогда началась для меня война...

Татьяна Николаевна рассказала нам о том, что в 1943 году она с сестрами и братом осталась без родителей. На воспитание их взяла родная тетя Мария Владимировна Пиккель, окончившая в 1942 году АГМИ. В военные годы М.В. Пиккель работала под руководством заведующей кафедрой педиатрии профессора Ю.В. Макарова. Они научно обосновали методы нарушения питания в условиях недостатка продовольствия, лечения тяжелых форм дистрофии и рахита у детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда в Архангельскую область. Эти исследования легли в основу диссертации М.В. Пиккель, защищенной вскоре после войны.

Перебирая фотографии, среди семейных документов Татьяна Николаевна Иванова обнаружила стихотворение – воспоминания профессора М.В. Пиккель о студенческих военных годах. Данное произведение нигде ранее не публиковалось, и нам разрешили представить его на страницах газеты.

* * *

*Морозные архангельские дни,
Восхода позднего волшебная расцветка,
А вечером притушены огни
И небо шупает воздушная разведка.
Не так страшны лишения, холод, ночь
Для молодости радостной и смелой,
Умеющей все бодро превозмочь
В энтузиазме выбранного дела
С готовностью бороться и любить,
В исканиях надеяться и спорить,
И познавать ... Все это значит – жить
В стремлении пройти сквозь радости и горе.*

*Ты помнишь, как учились мы с тобой?
Кусочек хлеба, холод – не беда –
Коптилкою света, наперебой
Старались поскорей найти тогда
Per anserinum лицевого нерва;
А вспыхнет свет – успеть бы прочитать:
Сдаст зачет восьмая группа первой.
И, злу назло, мы были так сильны
Уменьем жить в мелькающей минуте...
Шел год короткой северной войны,
Когда мы начали учиться в институте.*

*Стояло лето. Утренние зори
Вечерние сменяли над Двиной,
И паруса стремили яхты к морю,
И чайки с криками носились над волной,
О чем-то словно нас оповещали –
И были крики их предчувствием полны,
Что будет буря. А вдали вставала
И вскоре заревом кровавым запылала
Заря зловещая лихого дня войны.
Был страшный день. И мы его опять
Студентами, как в ту войну, встречали,
Нам оставалось только помолчать,
Понять свой долг и волю всю собрать,
И мужество, что вся страна собрала.*

*И вновь холодные архангельские дни
И чуждых скорби зорь бесстрастное горенье.
Нам не до них, нам далеки они,
Нас жгут слова «блокада», «отступление».
Мы чувствуем голодный Ленинград,
Угрозу нам и близким над собою,
И тех, кто насмерть под Москвой стоял.*

*И долго тянулись суровые
Дни горя нужды и труда,
И словно какие-то новые
Черты открывались тогда
У близких. Так стали серьезны
Глаза моих юных подруг...
Надежды, потери и слезы –
Единый наш замкнутый круг,
Единая песня – воззвание,
Единый душевный порыв,
Союз наш в години страдания
Был искренен, ясен и жив.*

*Был труден этап завершенья,
Нелегким и долгим был путь;
Был голод, цынга, истощенье
И всепоглощающий труд.
Пустели места уходивших
Безмолвно в горнило войны –
всех наших любимых, любивших
Сметало прибоем войны...
(отрывок из стихотворения М.В. Пиккель)*

Несмотря на трудные годы, Мария Владимировна всем племянникам дала высшее образование. Татьяна Николаевна Иванова в 1944 году поступила в АГМИ. О ее студенческих днях, часть которых пришлось на военные годы, мы расскажем в следующем номере, где будет опубликован материал, посвященный 60-летию выпуска 1949 года. Профессор Т.Н. Иванова сообщила нам, что встреча выпускников состоится обязательно!

А.В. Андреева,
директор музейного комплекса СГМУ
Фото из семейного архива Т.Н.Ивановой